Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Марион Граф: «Я никогда не стану достаточно русской, но…» | Marion Graf: "Je ne serais jamais suffisement russe mais…"

Автор: Надежда Сикорская, Шаффхаузен , 02.10.2013.

Марион Граф (© Nashagazeta.ch)

Переводчица Грина, Одоевского и Ахматовой рассказала о том, как пришла в русскую литературу и почему в ней осталась.

|
La traductrice de Akhmatova, Grine et Odoïevski raconte son chemin dans la littérature russe.
Marion Graf: "Je ne serais jamais suffisement russe mais..."

Мы познакомились с Марион Граф два года назад, на вечере, посвященном выходу на французском языке сборника стихов Анна Ахматовой «Шиповник цветет». Уже тогда Марион поразила полным соответствием образу переводчика: строгий вид, очки, гладко зачесанные волосы, размеренная речь, точный выбор слов… Легко представить себе Марион в просторной светлой комнате с высокими потолками, в старинном доме. Вот она сидит за столом, на котором царит хорошо организованный творческий беспорядок, стопки словарей соседствуют со стопками уже переведенных или только готовящихся к переводу текстов. Наверняка, она сначала пишет от руки, а уж потом перепечатывает на компьютере. О таинствах переводческого процесса и еще об очень многом давно хотелось поговорить. И, наконец, удалось.

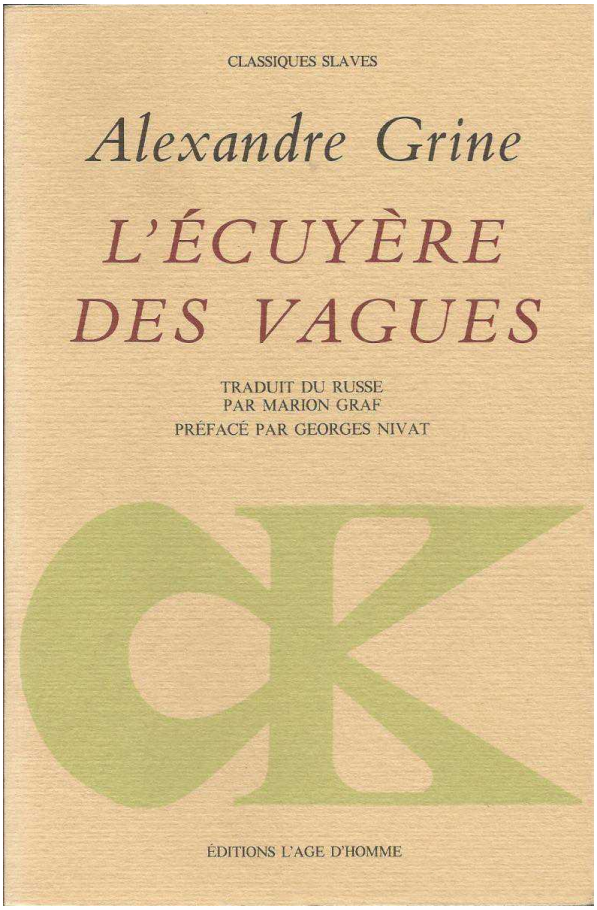
Марион Граф родилась в Невшателе в 1954 году у папы-швейцарца и мамы-француженки. Обладает дипломами филологических факультетов университетов Базеля и Лозанны. С 1983 года живет в кантоне Шаффхаузен. С того же момента сотрудничает с несколькими периодическими изданиями в качестве переводчика и литературного критика. Переводит с немецкого и русского, пишет о теории и практике перевода. По счастливой случайности наша встреча состоялась в кафе напротив женевского книжного магазина Le Rameau d’Or издательства L’Age d’Homme, создатель которого Владимир Димитриевич когда-то благословил Марион на первый переводческий опыт. Совпадение? Судьба?

Наша Газета.ch : Марион, откуда у Вас эта любовь к языкам? Семейная традиция?

Марион Граф: Вовсе нет! Но когда я была маленькой, мы проводили все каникулы во Франции, в маленькой деревушке около Каркассонна, где у моих бабушки и дедушки по материнской линии был дом. Именно там я очень рано почувствовала необходимость адаптировать мой язык – говорить то как парижане, то как жители этой деревни.

Но даже в рамках нашей семьи, все члены которой говорили по-французски, я рано обратила внимание на нюансы во «французском французском» мамы и «романдском французском» отца. Может быть, эти небольшие различия и привлекли меня к «возне со словами» и к изучению различий между культурами, даже очень близкими. Вообще, меня всегда интересовали слова, и всегда хотелось выйти за рамки одного языка.

История переводов русской литературы на французский особая. В ней, как мне кажется, всегда присутствовала идеология.



Это верно. История эта началась в 19 веке, с переводом ставших классикой романов. В этих переводах явно присутствовала идеализация России. На смену им появились работы переводчиков-коммунистов, стремившихся познакомить публику с произведениями так называемой социалистической литературы. И, действительно, порой идеология брала верх над внимательным отношением к тексту, работой со словом. А затем, уже в 1970-х годах, в Париже появился лишенный советского гражданства Ефим Эткинд, сам блестящий переводчик и автор многочисленных работ о теории перевода, в частности, перевода поэзии, поэзии русской. Я не уверена, что он до конца прочувствовал французскую поэзию. Сам он переводил (и другим рекомендовал поступать так же) русскую поэзию, слишком, на мой взгляд, фокусируясь на ритме. Конечно, поэзия – это ритм, и если переводить только слова смысл, то пройдешь мимо чего-то очень важного. Но музыка языка гораздо богаче, чем просто ритм, который становится ограничением, часто необязательным, для переводчика.

Сейчас переводчики все больше отходят от такой тенденции, давая себе большую свободу. Работы Андрея Марковича хороший тому пример – он уделяет огромное значение деталям текста, передающий скрытый, подкожный смысл.

Вы выросли во франко-французской семье, не имеющей никаких связей с Россией. Как возник интерес к русскому языку?

Благодаря кино! В Ля Шо-де-Фоне, где я жила в возрасте с 11 до 18 лет и училась в лицее, был кино-клуб, где показывали и советские фильмы. Может быть, мы были обязаны этим тому, что в городе жили секретарь Ленина – коммунист Жюль Умбер-Дроз и его жена Дженни, но не берусь утверждать. Как бы то ни было, впервые услышав русский язык в фильме Эйзештейна, я была им просто околдована.

Кроме того, в лицее нам преподавали мировую литературу, в том числе, в течение шести месяцев, русскую. И тут уж я по-настоящему открыла для себя великих авторов – Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева, Пушкина. И – «Доктора Живаго». Мне выпало писать реферат по «Повестям Белкина» - я обожала это произведение, такое тонкое, такое вневременное… Казалось, что Пушкин писал про меня, швейцарского подростка конца 1960-х. Так, окунувшись в глубины русской литературы, проникнувшись языком, я решила заняться этим всерьез – что и сделала, поступив в Базельский университет.

А не было в этом интересе к литературе и языку доли притяжения «запретного плода»? Ведь тогда между Швейцарией и СССР даже не было дипломатических отношений.

Конечно, Вы правы. Образ СССР в глазах среднего швейцарца того времени был, скажем так, сложным. Политические проблемы, желание понять, как страна с такой ужасной репутацией могла дать миру такую великую гуманистическую литературу. Надо заметить, что Ля Шо-де-Фон был в значительной степени «левым» городом, среди его жителей были люди, знавшие Россию не понаслышке. Там бывал Бакунин, что тоже не прошло бесследно. Так что все это вместе взятое, конечно, на меня повлияло.

В итоге, приехав в Базель, я выбрала для изучения русский и испанский языки, языки стран, в которых жизнь била ключом, пока остальная Европа пребывала в каком-то заторможенном состоянии – по крайней мере, так мне казалось.

В нашей русской группе было всего несколько человек. Занятия вела дама, что тогда для швейцарского университета была большой редкостью. Дама эта была немка, но ассистировала ей Вера Ратфельдер, тоже приехавшая из Берлина, но русская. Это была удивительная женщина, она часто приглашала нас к себе – она потрясающе готовила! Но главное, она умела прекрасно ставить произношение. По одному или по двое мы проводили долгие часы в ее кабинете, занимаясь с помощью магнитофона. Это было очень ценно!

Какой текст стал объектом Вашего первого перевода?

«Незнакомка» Александра Блока. Нужно было перевести это стихотворение. Я до сих пор помню все наши обсуждения и мое желание поделиться пробужденными этой поэмой чувствами, выразив их своими словами. После этого опыта я твердо решила стать переводчиком.

Вторым стимулом стало знакомство с творчеством поэта и переводчика Филиппа Жаккотте, которому я в итоге посвятила свою вторую дипломную работу. Его поэзия, его отношения с поэзией, его критические статьи сблизили меня с французской поэзией, которую до тех пор я считала слишком интеллектуальной.

А когда произошла Ваша первая встреча с реальной, не литературной Россией?

В 1977 году, в разгар брежневской эпохи. По окончании учебы я получила стипендию и возможность поехать по обмену на шесть месяцев в Воронеж, город, заочно знакомый мне как город Платонова и Мандельштама.

То есть даже при отсутствии дипломатических отношений существовал студенческий обмен?

Да, и очень сбалансированный. Сколько швейцарцев уезжало на стажировку в СССР, столько же советских приезжало в Швейцарию. Я помню, со швейцарской стороны многие уезжали учиться в советские балетные школы.

Итак, Вы приехали в Советский Союз…

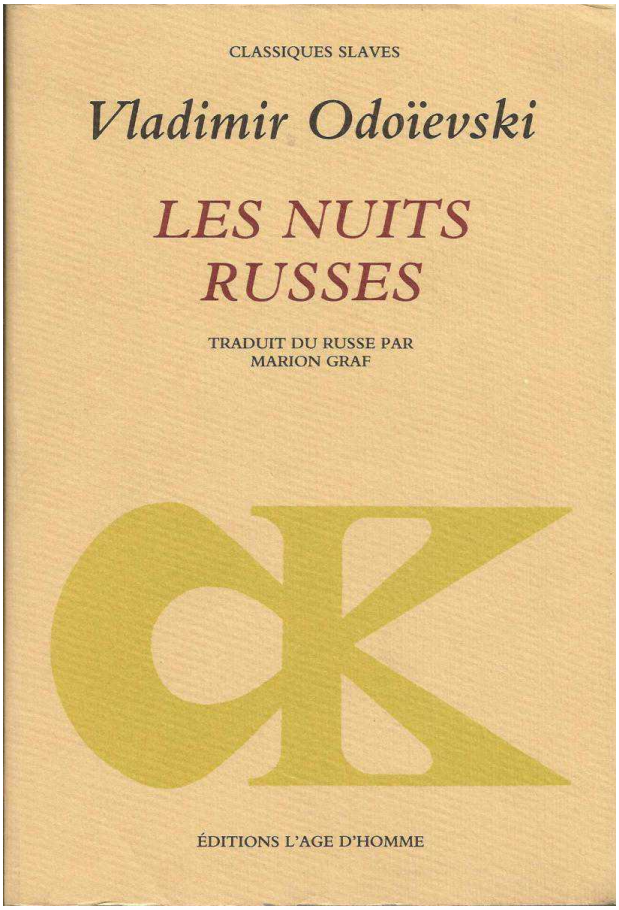
… написав дипломную работу на тему «Пространство в «Преступлении и наказании» Достоевского». В Воронеже моим ментором стал Владислав Анатольевич Свительский, прекрасный специалист по Достоевскому, который тогда не был в моде в СССР. Я попросилась к нему заранее, будучи уже знакома с его работами. К счастью для меня, он мог уделять мне значительное время. Владислав и его жена Нина стали настоящими друзьями.

Что дала Вам эта стажировка?

О!! Очень многое. Причем не только в научном, академическом плане, но и в эмоциональном, человеческом. Например, только там я узнала, с какими рисками может быть связана личная приверженность литературе. Сестра Свительского, Татьяна, написала диссертацию по Музилю – дело в то время совершенно безнадежное. С точки зрения карьеры, это было равносильно самоубийству. И, тем не менее, она на это пошла, вступив в контакт со специалистами из Австрии. Удивительные были люди!

Удалось ли Вам лучше понять, почему поэзия занимаем такое важное место в жизни советских людей, даже очень далеких от литературы? Я спрашиваю Вас об этом потому, что мне самой часто задают этот вопрос.

Конечно! За эти шесть невероятно напряженных и насыщенных месяцев я познакомилась с творчеством Окуджавы и Высоцкого, которые выражали те самые мысли, которые остальные не решались не только выразить, но даже сформулировать для самих себя! Открытие этого феномена перевернуло все мои представления о роли литературы!



Были ли Вы «привязаны» к Воронежу или смогли все же побывать где-то еще?

Мне повезло или, как гласит русская пословица, не было бы счастья, да несчастье помогло. Незадолго до моего приезда в Воронеж обвалилась крыша читального зала местной университетской библиотеки, и работать там было нельзя. Благодаря этому печальному обстоятельству, мне удалось уезжать в командировки, каждый раз на две-три недели, в Москву, Ленинград… Это было одно из неожиданных проявлений щедрости системы – все мои расходы оплачивались.

В Воронеже я пережила еще один интересный опыт. Тогда это был достаточно закрытый город, но в нем находился университет для иностранцев – в основном, из стран третьего мира, но было и немало англичан, и несколько швейцарцев. При этом для многих местных жителей иностранцы были сродни инопланетянам – они их никогда не видели. Встреча со страной, до такой степени закрытой, была удивительна.

И при этой закрытости находились люди, поражавшие своей эрудицией и открытостью ума!

Вот именно! Да и вообще, уровнем общей культуры. Даже в таком небольшом, по российским меркам, городе как Воронеж, были театры, в том числе оперы и балета, замечательный музей искусства, выставочные залы. Иногда на балетный спектакль приходило всего несколько человек, но его не отменяли, и прекрасные артисты танцевали практически только для нас! Именно там я открыла и навсегда полюбила музыку Мусоргского.

По возвращении в Швейцарию, Ваши связи с Россией не оборвались?

Нет, я сразу взялась за работу по Анне Ахматовой. У меня не было четкого представления о том, в каком направлении я хотела двигаться, и у меня не хватило мотивации завершить начатое. Тогда же я поняла, что никогда не стану достаточно русской. Желание заниматься переводами русской литературы возобладало над стремлением к академической карьере, и я отправилась в Лозанну, к Владимиру Димитриевичу – посоветоваться. Он впервые меня видел, однако снял с полки книгу

и протянул мне. Это была «Бегущая по волнам» Александра Грина. Попросил перевести 20 страниц и принести ему. Я перевела и принесла. «Это похоже на французский», - был его единственный комментарий.

Потом он дал мне перевести «Русские ночи» Владимира Одоевского, и этот перевод также вышел в издательстве L'Age de l'Homme.

И Грин, и Одоевский – не самые известные за пределами России авторы. Много ли Димитриевич работал с Вами как редактор?

Совсем не работал! И также мало волновали его вопросы оформления, обложки, предисловия, запуска… Он видел свою задачу в том, чтобы интересующие его тексты существовали на французском языке, а потом уж дело читателя в них разбираться. Димитриевич был, конечно, выдающимся издателем, не боявшимся идти против течения.

И все же расставание с Ахматовой не стало для Вас окончательным…

Не стало! За год работы мною было собрано очень много материала, особенно вокруг «Реквиема». Разумеется, я была глубоко потрясена этой поэзией, да и как может быть иначе! В итоге проект диссертации перерос в проект переводческой работы, которую я предприняла вместе с поэтессой из Лозанны Жозе-Флор Таппи, чей стиль и манера мне очень импонировали. По истечении трех лет совместного творчества мы подготовили, в 1996 году, номер журнала Revue de Belles-Lettres, посвященного Ахматовой - в него вошли переводы более 70 стихотворений, а также многочисленные другие тексты.

Вы переводили очень многих немецких авторов. Но продолжаются ли отношения с русской литературой?

В последнее время я много работаю с издательством La Joie de Lire, переводя детскую литературу. Например, перевела «Тараканище» Чуковского – книга вышла с роскошными иллюстрациями!

И как же звучит «Тараканище» по-французски?

« Le cafard ».

Согласитесь, это не передает нюанс…

Нет, конечно, но даже если мы скажем « le gros cafard » (большой таракан), это все равно будет не то. В этом проблема перевода на французский. Кстати, переводить с русского на швейцарский немецкий легче.

Знакомы ли Вы с современной русской литературой, и занимает ли она, на Ваш взгляд, столь же значимое место в современном обществе?

Довольно мало. Читала Шишкина, Пелевина, Улицкую, Седакову, Харитонова… На мой взгляд, русская литература сегодня слишком разбросана, в ней слишком много конъюнктуры, провокаций. Может быть, это необходимо в определенный период времени, но меня интересует мало.

Однако меня продолжает потрясать расхождение между образом России в западном обществе и людьми, которых я встречаю в моих редких, увы, поездках в Россию. Именно благодаря этим людям, которые не меняются, сердце России продолжает биться.

<u>От редакции:</u> В заключение встречи с Марион Граф выносим на ваш суд ее первый переводческий опыт, связанный с русской литературой. Не будьте слишком строги – дело было 38 лет назад!!

Александр Блок «Незнакомка»	**Alexandre Blok « L’Inconnue »**
По вечерам над ресторанами Горячий воздух дик и глух, И правит окриками пьяными Весенний и тлетворный дух.	Le soir par-dessus les cafés, L’air brûlant est sauvage et mat. Et il régit les appels ivres, Le souffle printanier et pestilentiel.
Вдали, над пылью переулочной, Над скукой загородных дач, Чуть золотится крендель булочной, И раздается детский плач.	Au loin, par-dessus le poussière des ruelles, Par-dessus l’ennui des villes faubouriennes, Se dore à peine la brioche d’une boulangerie Et retentit un pleur d’enfant.
И каждый вечер, за шлагбаумами. Заламывая котелки, Среди канав гуляют с дамами Испытанные остряки.	Et chaque soir, derrière les palissades, Melons sur l’oreille, Se promènent avec les dames parmi les fossés Les beaux-esprit éprouvés.
Над озером скрипят уключины, И раздается женский визг, А в небе, ко всему приученный, Бессмысленно кривится диск.	Par-dessus le lac grincent les tolets, Et retentit un glapissement de femme, Alors qu’au ciel, habitué à tout, Absurdement s’incline le disque.
И каждый вечер друг единственный В моем стакане отражен И влагой терпкой и таинственной, Как я, смирён и оглушен.	Et chaque soir,un ami unique, Est réfréchi dans mon verre, Et, par le liquide âcre et mystérieux, Comme moi, est apaisé et assourdi.
А рядом у соседних столиков Лакеи сонные торчат, И пьяницы с глазами кроликов "In vino veritas!"* кричат.	Et côte à côte près des tables voisines Font saillie les laquais somnolente, Et les buveurs aux yeux des lapins Crient « in vino veritas ! »
И каждый вечер, в час назначенный (Иль это только снится мне?), Девичий стан, шелками схваченный,	Et chaque soir, à l’heure dite, (Ou bien je rêve seulement?) Une silhouette de jeune fille, bruissante de soies,

В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душа лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906 г. Озерки

Dans le broullard avance à la fenêtre.

Et lentement, passant entre les ivrognes,
Toujours sans cavalier, seule,
Respirant des parfums et des brouillards
Elle s’assied à la fenêtre.

Et elles exhalent des croyances anciennes,
Ses souples soies,
Et son chapeau aux plumes de deuil,
Et, dans les bagues, sa main étroite.

Et enchanté par une étrange intimité,
je regarde derrière le voile sombre,
Et je voie un rivage enchanté
Et, enchanté, le lointain.

Des secrets perdus me sont confiés,
Le soleil de quelqu’un m’est remis,
Et tous les replis de mon âme,
Le vin âcre les a transpercés.

Et les plumes d’autruches penchées
Se balancent dans mon cerveau,
Et les yeux bleus infinis
Brillent sur le rivage lointain.

Dans mon âme gît un trésor,
Dont la clef n’est confiée qu’à moi !
Tu dis vrai, monstre ivre !
Je sais : la vérité est dans le vin.

juin 1975, Université de Bâle.

Source URL: *https://nashagazeta.ch/news/peoples/16451*